

УДК 323(574/575)

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.Ж. ИСКАКОВ

*Межрегиональный
институт экономики
и права,
г. Санкт-Петербург*

e-mail: iiel2002@mail.ru

В статье анализируются точки зрения различных авторов на особенности политических институтов и процессов в Центральной Азии и делается вывод о том, что институты и процессы в Центральной Азии имеют свою историческую и социокультурную специфику, а многие популярные аналитические схемы, созданные в западной политической науке, по-прежнему не получают своего эмпирического подтверждения и требуют тщательной переработки.

Ключевые слова: Центральная Азия, политические процессы, модернизация, демократия, авторитаризм, историческое и культурное наследие.

В истории западной политической мысли многие авторы, начиная от Аристотеля до Цицерона, четко противопоставляли свободные институты Европы деспотической власти восточных правителей. Эта традиция сохранялась и в период средневековья. Само понятие «деспотизм», по крайней мере с XIV в., прочно отождествлялось с государствами Востока¹. В эпоху Возрождения разработали концепцию восточно-деспотического государства; в социальном и политическом плане оно являлось альтернативой свободному государству Запада (Макиавелли и др.)². В 1748 году Монтескье создает свой знаменитый труд «О духе законов»³, в котором он объединяет политические институты Востока в общую категорию деспотизма. Монтескье рассматривает восточный деспотизм как глобальную альтернативу свободному обществу. Подобно Макиавелли (в работе «Государь») он считает деспотическое государство царством рабов, страха и произвола, где нет места твердым законам и где все основано на слепом повиновении одному лицу. Монтескье подводит под восточный деспотизм климатическую базу. Не будем здесь вдаваться в подробности аргументации за и против, это целая страница в историографии стран Востока. Важно, что такая позиция вскоре встречает возражения, в частности, А.-Г. Анкетиль-Дюперона⁴. Последний, аргументируя против выводов (именно выводов) Монтескье, проводит три пункта (они прямо указаны в развернутом названии его работы, вышедшей в свет в 1778 г.), а именно:

- на Востоке нет абсолютной деспотии, так как наличествует законный способ достижения власти (подтверждаемый, например, церемониалами, аналогичными западному коронованию восходящего на престол);
- на Востоке вполне очевидно наличие законов, носящих универсальный характер (их нормы распространяются и на суверена, и на подданных);
- существует частная собственность (обладатели которой неотчуждаемо пользуются ею). Это сильные аргументы, которые автор выносит из опыта своих многотрудных восточных путешествий, в противовес Монтескье, основывающемуся на материалах путешествия Фр. Бернье.

¹ Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60-99.

² Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 70-72; Васильев Л.С. ВОСТОК И ЗАПАД В ИСТОРИИ (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 101-102.

³ Монтескье Ш.Л. О Духе законов. М., 1955.

⁴ См. Иванов Н.А., Васильев Л.С. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. Введение. М., 1993. С. 3-25.

Споры о характере политической власти и государства на Востоке продолжают до сих пор. После того, как «третья волна» демократизации, зародившись на юге Европы, прокатилась по ее Центральной и Восточной части и докатилась до стран Центральной Азии, они обострились с новой силой.

Следует напомнить, что Центральная Азия представляет собой крупнейший после России блок постсоветского пространства. Он занимает связующее положение между западной и восточной частями Евразии и промежуточное — между развитым Севером и развивающимся Югом. Это также один из богатейших регионов мира по запасам минерального сырья. Пространственное положение и ресурсные богатства делают Центральную Азию важным театром мировой политической игры.

Особенности политических процессов в Центральной Азии во многом обусловлены спецификой сложившегося общественного уклада и его институциональной основой — отношениями между властью и собственностью. Согласно мнению многих ученых-востоковедов, социологов и политологов, общественный уклад восточного общества имеет свои специфические черты, которые фундаментально отличают западное общество от восточного. В частности, согласно концепции «власти-собственности» восточного государства, предложенной Л.С.Васильевым⁵, государство (в лице его главы) воспринимается как носитель социально-политической и экономической власти одновременно. Система власти-собственности всегда доминировала. Она имела различные формы, включая советско-социалистическую. Но суть ее неизменно была одной и той же: частная собственность подчинена власти и бессильна перед произволом администрации.

Государство в этой системе представляется средоточием власти, тотальной и всесильной по отношению к человеку как самоутверждающемуся субъекту в бытии. Система власти-собственности определяюще влияет на политику руководителей государств на Востоке. Правители всегда стремились всячески идеологизировать то наличное состояние, когда сосредоточение в руках государства всей полноты социально-экономической и политической власти при отсутствии способных противостоять ему общественных структур, лишало человека возможности выбора между конкурирующими социальными силами. Такая модель общественного устройства возводилась в некую предзаданную норму и многократно обосновывалась (что собственно и есть функция идеологии).

Для восточного государства характерно такое сочетание госсектора экономики и государственного аппарата, когда государство получает возможность жестко влиять на процессы взаимодействия экономических субъектов, во многом являясь одним из них. Это позволяет однозначно решать различные конфликтные ситуации к вящей пользе государства, служит его дальнейшему усилению. Все это отливало в представление о незыблемости общественных структур, которое не только предполагалось самим способом производства, но и выступало в качестве неизменного принципа социокультурной ориентации человека.

После распада СССР в 1991 г. в процессе становления независимых центрально-азиатских государств вопрос о стратегии модернизации экономических и политических систем стал главным для их лидеров.

Современные государства Центральной Азии все еще находятся в переходном состоянии. Это переходное состояние центрально-азиатских стран можно охарактеризовать как посткоммунизм, имея в виду в качестве основного аргумента «советское» происхождение государств региона. Но при этом следует оговориться, что на самом деле посткоммунизм имеет отношение все-таки больше к России, нежели к Центральной Азии. По мнению Муратбека Иманалиева, президента Института общественной политики, большинство стран этого региона имеют

⁵ Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. С. 60-99.

«синдром внезапно приобретенной независимости»⁶. В реальной политике он проявляет себя, по его мнению, в:

- чрезмерной персонификации выбора пути развития с последующим формированием режима личной (либо семейно-клановой) власти (вождизма), с характерными элементами в диапазоне от деспотизма до мягкого мимикрирующего авторитаризма. Но следует отметить, что не во всем и не всегда виноват пришедший к власти лидер;

- моделировании экономического развития, компоненты которого представляют из себя советскую (иногда более жесткую) систему менеджмента; мозаичном внедрении механизмов рынка, местами возврате к натуральному хозяйству (прежде всего на селе); незаконной приватизации и личным контролем лидера за наиболее доходными отраслями; фрагментарной интегрированности в мирохозяйственные связи и т.д.;

- низком уровне политической и правовой культуры (что сильнее в центрально-азиатских странах — закон или родственные связи? Закон или телефонный звонок?); а также отсутствии баланса отношений в триаде «человек-общество-государство». В некоторых странах Центральной Азии гражданское общество как таковое просто не состоялось. Не функционируют в государствах региона такие системные понятия и циклы, как политическая и общественная регламентация передачи власти, разделение ветвей власти;

- дегуманизации, а в ряде случаев и разрушении общественных отношений, которое выразилось в кризисе института семьи, падении уровня образования и здравоохранения, еще большем разрыве между городом и селом, массовой миграции, а в некоторых странах Центральной Азии и криминализации политической, экономической и общественной жизни;

- непредсказуемой и не всегда ответственной внешней политике с постоянными дискурсами;

- отсутствии национальных систем ценностей и стабильно развивающихся элит, которые только начинают нарождаться.

В этой связи одним из самых важных вопросов, стоящих перед центрально-азиатскими государствами, считает М. Иманалиев, является проблема конструирования самоидентификационных моделей и в то же время поиска идентичности в окружающем пространстве.

Гипотетически перед странами региона существовало несколько путей развития: а) западный — открытая экономика, политический плюрализм, развитое «гражданское общество»; б) турецкий — достаточно либеральный, но ориентированный на разделение светских и мусульманских функций государства; в) иранский — мусульманско-теократический и антизападный; г) китайский — с сохранением жесткого политического режима, но ориентированный на реформы под контролем государства.

Как сегодня известно, практически ни один из вариантов развития не был в чистом виде реализован странами региона. Однако, в результате проведенных реформ в пяти государствах региона проводится несколько смешанных стратегий модернизации: а) стратегия частичной либерализации с опорой на энергетические ресурсы и элементами авторитаризма (Казахстан, Кыргызстан); б) авторитарные типы модернизаций с сохранением полного государственного контроля и использованием природного энергетического ресурса (Туркменистан, Узбекистан); г) периферийный, отсталый тип модернизации с элементами либерализации экономики (Таджикистан).

В течение длительного времени цивилизационное единство народов Центральной Азии считалось общим местом в большинстве научных трудов и политических оценок. Практически все современные лидеры Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, особенно во время региональных

⁶ Иманалиев М. Перспектива Центральной Азии стать мостом между Азией и Европой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ia-centr.ru/exsert/446

саммитов, подчеркивают общность истории и языков, происхождения и традиций, культуры и экономики. Основной тенденцией, отвечающей духу времени, многочисленные авторы считают интеграцию, в том числе и в Центральной Азии. Более того, само определение места Центральной Азии в мировой истории несет в себе политический подтекст. В частности, совсем недавно фактически все лидеры государств Центральной Азии называли свои страны «мостом между Западом и Востоком». И это местоположение должно было указывать на возможность универсального восприятия достижений обеих частей света.

Ещё десятилетие назад история Центральной (тогда — Средней) Азии рассматривалась как неотъемлемая часть истории СССР. Теперь пришло осознание того, что все-таки достаточно «оснований для рассмотрения Центральной Азии как типа локальной цивилизации»⁷. Более того, коллектив кыргызских ученых сделал вывод, что «Центральная Азия относится в большей степени к Востоку», но все-таки «сумела выработать собственное цивилизационное пространство»⁸. Авторы считают, что центрально-азиатская цивилизация вобрала в себя две составляющие — цивилизации кочевников и оседлых земледельцев⁹. При этом центрально-азиатский регион выступает как часть исламской цивилизации. Это признание является характерным для нынешнего состояния политических процессов в регионе. Признание особенностей составляет важную часть национальной самооценки и самоидентификации.

Центральная Азия всегда была сложным и противоречивым регионом. Возможно, поэтому современные оценки истории, состояния, перспектив региона носят самый разнообразный характер. Некоторые из них имеют характер изложения мифических представлений, а то и совсем далеки от истинного знания. Например, К. Плешаков пишет: «Занятная вещь: в Центральной Азии — вакуум централизма. Пространство, «привыкшее» быть объединенным (не важно, Чингисханом, Тамерланом, Александром II или Сталиным), раздроблено на пять государственных формирований. Границы между ними в советское время порой прочеркивали по линейке (например, между Казахстаном и Узбекистаном к западу от Арала). Этнотипы региона перемешаны. Четыре из них — родственные друг другу тюрки. Экономика Центральной Азии монокультурна. Надежды на «лучшую жизнь» основаны исключительно на экспорте (на Запад) природных ресурсов, в основном, нефти и газа, но еще и золота, наркотиков, меди и прочего. Выражаясь ученым языком, в Центральной Азии сложилось «протоимперское пространство». Попросту говоря, регион готов к объединению неким гегемоном»¹⁰.

Приблизительно аналогичный подход имеют и некоторые современные политологи, специализирующиеся на ситуации в новых независимых государствах. Политическая конъюнктура определила отношение к государствам Центральной Азии как системе «N-станов», имеющих общие экономические, политические, социальные основы и единое цивилизационное происхождение, а также близкие по своему типу политические режимы и экономическую политику. На этой основе события в Узбекистане весьма легко экстраполируются на Казахстан, а режим в Туркменистане ничем не отличается от таджикского или кыргызского. За десять лет сформировалось достаточно большое число штампов, которые никак не поднимают завесу над реальными процессами. Об этом, в частности, пишет Р. Абазов: «В советологии мы рассматривали одинаково процессы, происходящие в бывшем Советском Союзе, и процессы в Центральной Азии, в частности. Но реалии не всегда

⁷ Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Бишкек, 1995. с. 65.

⁸ Там же. С. 166.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Плешаков К. Сквозь заросли мифов. // Pro et contra. Т.2. № 2. Весна 1997. С. 68-69.

соответствовали идейным конструкциям, которые мы пытались объяснить»¹¹.

Приверженность к готовым схемам часто приводит исследователей к необоснованным выводам и суждениям, что находит свое отражение в описании западными аналитиками ситуации в Центральной Азии. В результате переплетения мифов и далеких от реальности теоретических схем создается новый образ Центральной Азии, как группы государств с разной скоростью погружающихся в авторитаризм и тоталитаризм. Отличительными чертами нового мифа об этих странах и народах являются утверждения о неприспособленности к рыночным отношениям, глубоких корнях религиозного фундаментализма, застойности экономической жизни, чрезмерной приверженности патриархальным отношениям и постоянной борьбе между различными клановыми группировками.

Такой подход вызывает возражение, в первую очередь, среди специалистов, которые имеют давний опыт изучения народов и государств центрально-азиатского региона. Естественно, что многие проблемы существуют. Как и все новые государства, центрально-азиатские страны подвержены коррупции, существует борьба элит за передел собственности, слабо влияние общества на принятие государственных решений, малочислен средний класс, не находят своего выражения в парламенте и партийной системе интересы социальных групп. Таковы болезни общие. И страны имеют разный опыт их лечения.

Внимательное изучение региона приводит к пониманию того, что в нем существуют цивилизационные границы. И поиск особенного, частного, сугубо индивидуальных черт не является чем-то особым, эта тенденция носит общемировой характер. Детальное и глубокое изучение истории, свободное от идеологического диктата, обнаруживает тенденцию изучения цивилизаций, культур и субкультур, которое ведет к поиску не столько общего, сколько различий между ними. Более того, тенденция поиска идентичности ведет к переосмыслению прежних оценок, к выделению локальных цивилизаций.

По мнению А. Улуныяна, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, после распада СССР во всех государствах Центральной Азии наступил затяжной переходный период, продолжавшийся вплоть до начала XXI века. В настоящий момент по сформировавшейся модели правления говорить о единстве государств Центральной Азии не приходится. Их можно условно разделить на две группы, в одну из которых входят Туркменистан и Узбекистан, в другую — Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Критерием выделения групп служит степень тоталитарности существующего политического режима. Несмотря на то, что из всех стран региона только Киргизия наиболее близка к демократическим устоям, для всех государств Центральной Азии характерен полный контроль над законодательной властью. При этом нижняя палата парламента во второй группе стран избирается¹².

А. Власов, заместитель директора Информационно-аналитического центра МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечает, что формы правления во всех странах региона схожи, различаются лишь степенью проявления черт тоталитаризма. При рассмотрении ситуации в Казахстане, который демонстрирует бурный экономический рост, не следует говорить о том, что экономические реформы там переходят в политические. Все страны региона сделали выбор в пользу этнонационализма как государственной идеологии. Форму правления, которая выстраивается государствами Центральной Азии, можно условно назвать «управляемой демократией» или же «фасадной демократией». Главные усилия руководства направлены на сохранение положения правящих элит. Оппозиция

¹¹ Абазов Р. Внешняя политика центрально-азиатских государств на примере Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана // Национальная и региональная безопасность центрально-азиатских стран в бассейне Каспийского моря. Алматы, 2000. С. 101.

¹² Центральная Азия: пути и возможности эволюции политических режимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ia-center.ru/archive/

является виртуальной, встраиваясь в существующие структуры и чутко улавливая настроения власти. В силу этого неизбежный кризис власти в центрально-азиатских государствах, о котором много говорили российские эксперты, вряд ли наступит. Построение «управляемой демократии» — таков самый вероятный сценарий развития стран региона. В силу каких-либо форс-мажорных обстоятельств (например, обострения исламского фактора) возможно только резкое обострение разногласий внутри правящих элит с трудно прогнозируемым исходом. Единственное исключение в регионе представляет собой Киргизия, которая в настоящий момент находится в крайне нестабильном состоянии. Возможно, построение государства придется там начинать снова с нуля¹³.

В заключении можно сделать следующий вывод. Политические институты и процессы в Центральной Азии имеют свою историческую и социокультурную специфику. Многие аналитические схемы, созданные в западной политической науке, по-прежнему не получают своего эмпирического подтверждения. Процессы демократизации и модернизации политической системы на практике принимают существенно иной характер, чем описывает теория. Российской политической науке предстоит еще многое сделать для того, чтобы адекватно описать происходящие здесь процессы. Необходимо преодолеть во многом ложные стереотипы и представления о государствах Центральной Азии как о восточных деспотиях, неспособных к развитию демократии. Подобного рода представления и оценки, по сути, повторяют то, что и сегодня еще нередко встречается в западной политической науке, описывающей политические процессы в России в традициях американской советологии.

SPECIFICITY OF THE POLITICAL INSTITUTES AND PROCESSES IN CENTRAL ASIA

I.Zh. ISKAKOV

*Interregional Institute
of Economics and Law,
St. Petersburg*

e-mail: iiel2002@mail.ru

The article analyzes the views of various authors on features of political institutions and processes in Central Asia and the conclusion is that the institutions and processes in Central Asia with its historical and cultural specificity, and many of the most popular analytical scheme, created in western political science, still do not receive their empirical confirmation and require careful processing.

Key words: Central Asia, the political processes, modernization, democracy, authoritarianism, historical and cultural heritage.

---

¹³ Центральная Азия: пути и возможности эволюции политических режимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ia-center.ru/archive/